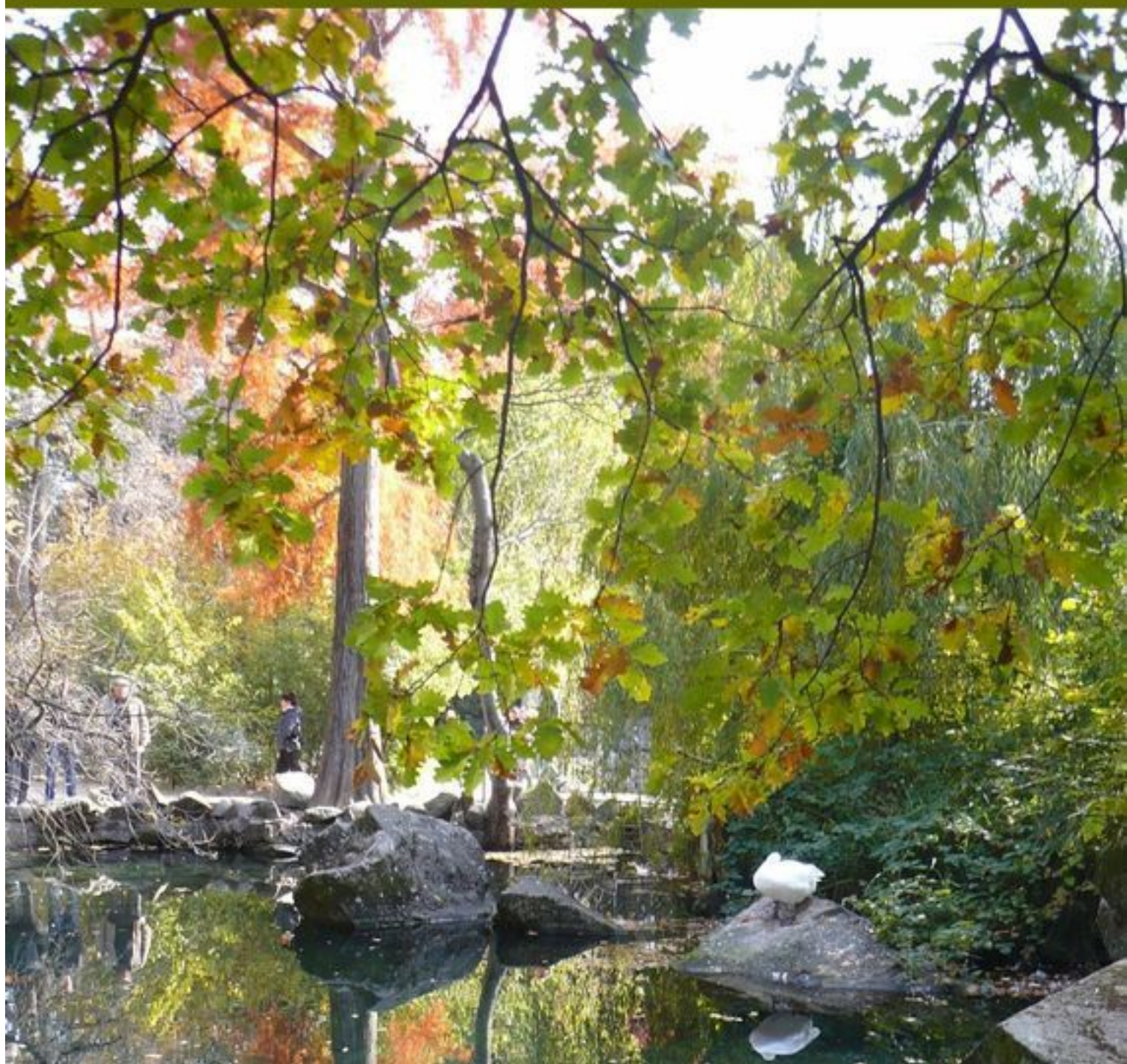

Виктор Колесник
Душа луны

СТИХИ

Виктор Колесник

Душа луны

«Издательские решения»

Колесник В.

Душа луны / В. Колесник — «Издательские решения»,

«Душа луны» — стихи разных лет. По сути — исповедальная лирика: дневниковые записи. Строки обращены к тем, кто видит себя в свете луны и солнца, радуется каждому мгновению жизни, кто в печали и скорби видит философию печали и чувствует неразрывную связь с окружающим миром... Большая часть представленных читателю философских стихотворений — о смысле жизни, о назначении, о любви — появилась в переписке со знаменитой поэтессой Людмилой Щипахиной — наставником и другом.

© Колесник В.

© Издательские решения

Содержание

Людмиле Щипахиной	6
«В горячую эру...»	6
«И светлые дни и – ночь...»	7
«У тихой нежности тех дней...»	8
«Опять в душе моей трофейной...»	10
«Вы не пишите мне уже тысячу лет...»	11
Поздняя осень	12
Напутствие	13
14 января	14
Beaujolais nouveau	15
Авинда	16
Весеннее	19
«Ветку рубили...»	20
«Бросает взгляд тебе —...»	21
«Весь мир вливается в меня...»	22
Графонам	23
Душа луны	24
«Есть в феврале прекрасная пора...»	25
«Ещё у жизни есть глава...»	26
Звонок	27
«И велел господь всем садам цвести —...»	28
«Из томной нежности к тому...»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Душа луны
Стихи
Виктор Колесник

© Виктор Колесник, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Людмиле Щипахиной

«В горячую эру...»

*Кланяйтесь светлой поре!
Все на земле быстротечно,
Держится мир на добре,
Только разумное вечно.
Людмила Щипахина*

В горячую эру
Лет моих золотых —
О, сколько я знал своих! —
Которых любил без меры...
Было пути начало,
Идти по нему спешил —
И громче всех кричала
Бездна твоей души!
Мне и теперь подчас,
Пусть в серебре виски,
Хочется, хоть бы раз,
Вновь заплывать за буйки...

«И светлые дни и – ночь...»

И светлые дни и – ночь,
И будней земная сила,
А сердце – просилось прочь,
А сердце – стихов просило.
Лучом озарён был дом —
Как солнце попало в руки, —
Стал первым моим трудом
Ваш томик добра науки.
И двадцать пять лет спустя,
Сомнений познавший в меру,
Иду по земным путям
Из юности – в эту веру.

«У тихой нежности тех дней...»

*О, золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О, золотые имена...
Марина Цветаева*

У тихой нежности тех дней
Всегда опущены ресницы...
Всех ярче в памяти моей
Журналов томные страницы.

Когда за всё – одна цена:
В укромных днях библиотеки
Читал я Ваши имена —
Разлитые по жилам реки...

Из вечной памяти страны,
Давно исчезнувшей на карте,
Вы взяли песни и огни,
Как чай берут в пустом плацкарте.

Бегут по стёклам эти дни —
Дождём сверкающие дали —
И только Вы тогда одни
Напиток крепкий мне отдали.

И в поздней детскости своей,
Теперь дымящейся в камине,
Я пил напиток королей —
Настойку чая в терпком тмине.

Когда молчали журавли
Под звон гитарных струн Гарсии,
Со всех концов большой Земли
Я слышал голоса России.

Я знал себя в любом цветке,
На хризантемный снег похожий.
Кто шёл, сутулясь, налегке?
Я ревновал к тебе, прохожий!

Из первой радости весны,
Когда так горек плод маслины,
Я нёс стенанье тишины —
Горчащий крик ночной калины.

В толпе людской огни тихи
И песни громки и азартны.
Я Ваши целовал стихи —
Настойку дней в пустом плацкарте.

И внемлю радостям поры,
Того добра, что я — на свете,
И принимаю, как дары
Добро и свет в земном завете.

«Опять в душе моей трофейной...»

И поклоняюсь дерзости твоей...

Л. Щитахина

Опять в душе моей трофейной
Голодный пульс сердечной пустоты.
Где чаша, полная кофейной
Правдивой, жгучей, ясной черноты?

Опять небес огонь надземный
Вершит суды извечной суеты.
Где сила, голос мой презренный,
Твоих тонов и стонов густоты?

И нет в стихах ни звука, только
О стены бьётся эхом тишины
Потерянная в мире долька
Души моей закрытой глубины.

Голодность пульса – свет унылый,
И эта бесконечность – быстрота:
Началом был ответ Людмилы
И молчаливость белого листа...

«Вы не пишете мне уже тысячу лет...»

Вы не пишете мне уже тысячу лет,
Адресата не знают конверты,
Только знаю одно: Ваше имя – поэт,
Вы живёте в земной круговерти.

Вам слышнее всего среди звуков планет,
Нарисованных богом на карте,
Жар зимы у печи, холод яростных лет,
Запах первых подснежников в марте,

Пенье птиц на заре восходящего дня,
Малодушие душ и отвага,
Окружение радостей как западня —
Всё, что позже впитает бумага.

Вы молчите порой, но однажды прольёт
На заброшенный стол адресанта
Ваших писем-стихов обжигающий лёд
Освящённость слезы арестанта.

Этот шелест листов тяжелее оков,
Но в плену ожидания строчек
Эти рваные раны забитых мирков,
Это небо из пепла и точек.

Этот я, кто уже никогда как поэт
Не разложит Вселенной конверты;
Оттого вы молчите уж тысячу лет,
Чтобы жил я в своей круговерти...

Поздняя осень

*А завтра всё уже будет в снегу...
Последний привет поздней осени...
Людмила Щитахина*

И старт и финиш – как полёт листвы,
Запеть успевшей в наступлении рассвета.
Но измененья цвета не новы
Ни в зной зимы, ни в ледяную стужу лета.

Ни щедрость солнца среди больных аллей,
Ни лёгкость ночи одиночества бывшего...
Ни первый снег среди пустых полей.
Ни завтра. Ни вчера. Ничто не ново.

Седых лесов листва уже тонка —
Иссякла, потускнела, тенью тихой стала, —
Чтоб Ваша новая к утру строка
Рванулась к солнцу всею мощью пьедестала.

А завтра утро будет всё в снегу,
И поздней осени прощальные приветы,
Как Ваши строки, друг мой, берегу,
Беру в легенды новой жизни эстафеты.

Где старт и финиш словно кружева
Закатных звуков, переливов предрассветных.
От старта к финишу летит листва
В хранилище частиц сокровищ неприметных...

Напутствие

*Людмиле Щипахиной —
Поэту и Человеку: свету души и совести*

Густая зелень заглушает беды мира,
расцвёл жасмин живым шатром террас,
а ты от Крыма и до белых скал Памира
летишь опять по пыльным лентам трасс.

В покой и тишину неброских серых улиц
и в монотонность гула наших дней
вплелись, влились – возжлись – стихи и распахнулись
бездонной глубиной сердца людей.

На кровь, на взрыв, на глушь, на глухоту людскую,
на боль разлук и радость кратких встреч,
на всю бескрайнюю вселенную такую —
стихи твои: любить – добро – беречь!

Всё заграничные края, красоты мира,
куда порой и сам в мечтах я рвусь...
Но сколько красоты и русскости: ЛЮД-МИ-ЛА.
Людмила... Та, что воспеваешь Русь!

И ты опять встречаешь солнце у Памира,
и в пушкинском Крыму пройдёшь не раз
густую зелень щипахинского мира
среди шатров жасминовых террас.

И в переделкинском покое нестоличном
прочтёшь меня: «Ну, человек-чудак!
Всё кажется ему: под небом земляничным
Напутствия поэту пишут так...»

14 января

Точно так же на жёсткую почву
Будет падать пушистый снег.
Будет жизнь – которую порчу —
Будет искрами звонкий смех.

Будет ночь. За бескрайностью неба
Новый день возгорит опять.
Будет дверь, за которою не был
Новый юноша: снова – вспять!

Будет остров, и будут – остроги,
Будут чувства листвою слетать;
Будет Солнце пригревом нестрогим
О любимой Земле мечтать...

И жалеть, и любить будут тоже,
Взгляд скосивши у алтаря,
Пряча волны нахлынувшей дрожи
В прахе чувственных дней сентября.

Будет всё! Будут старые песни
В межпространстве лететь звеня;
Будут новые грустные вести —
В этих звуках не будет меня!...

Beaujolais nouveau

Буду земным – на небе,
Мечтателем – на земле,
Крошкой – в каждом хлебе,
Кровью – в любом вине.

Ветер во мне – посыльный,
Заспавшийся на заре.
Буду любимым сыном —
Силой в любой золе,

Тишью ночного леса,
Разорванный кем-то круг,
Буду – седой повеса,
Не целовавший рук,

Тех, что уже не помнит
Трёхпалубный на волне.
Буду потом – восполнит
Кто-то в любом зерне.

Буду земным – до неба,
Пока еще во мне
Каждою крошкой хлеба
Жажда в сухом вине...

Авинда

*Елене Головановой и
Николаю Носкову:
Поэту и Музыканту,
Жене и Мужу —
Человекам!*

I.

В тот час, когда горная мгла
Коснётся краёв в разговоре, —
Никитская пела Айла,
Авинда запела о море.

Стекали в узорность дорог
Лавандовых струн переборы,
Был явственно нежен и строг
Стук сердца в дома и заборы.

Авинда! Твой брат Аю-Даг —
К которому айловы руки —
Маяк для усталых бродяг,
Вкусивших твой запах и звуки.

Куда б и меня не вела
Пресыщенность дней в ля-миноре —
Мне будет сестрою Айла,
Авинда споёт мне о море!

II.

Руки скрестила гора:
Снова в дорогу пора
Путнику-скалолазу
Бить повседневность-проказу.

Тихо поёт Аю-Даг,
Мир поместив в саадак.
Песни летят к Гурзуфу
По затемненному туфу.

Вам бы ещё не запеть!
Чтобы за морем успеть
Ноты писать пересказа
Чей-то души-неболаза...

III.

Ночью цвели

Мира частицы:
Пели Айлы —
Сёстры – как птицы.
Пела – душа,
Пела – глиссандо,
Мглу полоша
Дней адресанта.
Небу – слова
(ласковы звуки),
Дней синева,
Горы – как руки.
Миру – всех дней
В летней веранде,
Солнцу – огней
Дома в лаванде.

IV.

Пушкинцу

Слева – прикованный к морю Гурзуф,
Справа – прибитая к небу Авинда:
Крыма извилистый воздуходув,
Неба и моря откуда не видно.

Ты поднимался по этой тропе,
Лёгкой походкой ступая по тени,
Чтобы замёрзшей столичной толпе
Виделись крымского неба ступени.

Ты поднимался и к этой стене,
С горною пылью в немом разговоре,
Чтобы огромной и рабской стране
Виделось вольное крымское море.

Ты оглянулся... И тихий Гурзуф,
Небо и море, Авинду – всё это
Через столетия – воздух вдохнув —
Мы восхищаем глазами поэта.

V.

Николаю Носкову

Хранитель Авинды и друг Аю-Дага!
Вы – мудрый учитель, певец, скалолаз,
Герой-соплеменник, и Крыму на благо

Бездонное море задумчивых глаз.

Вы верный романтик, такой настоящий
В заботе о малой земле и большой.
Вы светловолосый костёр, вы – горящий
Всей мудростью света и чистый душой.

Вы строгий садовник и нежный наставник,
Товарищи вам – естества виражи,
Вы русскости крымской и мира державник,
Вы ветер и крылья своей госпожи.

Хранитель Авинды и друг Аю-Дага!
Планеты людей удивительный пласт!
Герой-соучастник, боец, чья отвага
Добром за участие в жизни воздаст!

VI.

Елене Головановой

Синее небо – до горизонта.
Море – товарищ звёздного порта.
Ветер лавандовый греет окно,
Доброму путнику светит оно.

Нет кораблей, которым не видно,
Как утешает небо Авинда.
Стала Авинда теплее с поры,
Как появилась хозяйка горы.

Твёрдость и нежность. Искорка взгляда.
Щедрость стола, гитарного ряда.
Чистого неба и моря тепло.
Матери сердца любовь и добро.

Миру Авинды как неизбежность —
Непрекращающаяся нежность,
Неисчерпаемость тёплого дня,
Неостываемость в доме огня.

Синего неба – до горизонта,
Чистого моря, доброго порта.

Дом у Авинды пусть будет всегда —
Чтобы душе не остыть никогда.

Весеннее

И никто уже не вспомнит
Тень сугроба, крик зимы.
Первый день весны наполнит
Искорёженности тьмы.

Свет появится из тени,
Тишиною станет крик,
Первый дождь омоет стены,
И попсу заглушит Григ.

Будут виться по забору
Струи ветра, нервы дней.
Снова вцепится в опору
Куст рябиновых огней.

Будет тихий скрип калитки,
И по дачной глубине
Тихой поступью улитки
Ты приблизишься к весне.

Ты войдёшь в пространство сада
И слегка поднимешь бровь...
Ни обида, ни досада —
На лице смущенья кровь...

И попросишь чашку чая,
Из которой лето пьют;
Солнце с звёздами венчая,
Эту чашу к счастью бьют...

«Ветку рубили...»

Ветку рубили.
Падала вниз.
Струйкою пыли
Листья слились.
Ветку рубили.
Падала ниц —
Пошlostью были,
Прошlostью лиц.
Ветер в рябине
Горько затих.
В красном рубине
Светится стих.

«Бросает взгляд тебе —...»

*Как на ладони поданный
Рай – не берись, коль жгуч!
Гора бросалась под ноги
Колдобинами круч.
Марина Цветаева. «Поэма Горы»*

Бросает взгляд тебе —
Бери его – да с круч!
Его печать – себе:
Металл стихов – тягуч!

Душа его – как лёд —
В ладонях мир горяч;
Он молча слёзы льёт —
Ты тихо слёзы прячь...

Ему себя терпеть,
Тебе – судьба в росе.
Позволь ему запеть —
Гореть в твоей красе.

Беззвёздна ты как ночь.
Отдай ему покой.
И осветится мощь
Скупой слезой мужской.

«Весь мир вливается в меня...»

Весь мир вливается в меня,
Тоской неистребимой,
Но в это круговерти дня
Встречаюсь я с любимой.

Моя любовь давно проста:
Быть серым коридорам
Повелевает красота
Космическим простором.

И если дню остыть дано
И ночь крадётся бором —
Я буду долго – всё равно —
Лучей рассветных вором...

Гравитация будней,
Притяженье суббот —
Но тебя не забудет
Неизбежность забот.
Открывайте все двери,
Закрывайте сердца —
Средь лесов суеверий
Льётся песня бойца.

Графонанам

Не в единении любовном
Скрещенье есть волшебных снов —
В стихе неспелом, жаждой полным,
Горят сближения основ.

В сплетенье каждом стихотворном
Есть капли крови, как в меху, —
Как в каждом слове смехотворном
Душа скучает по стиху.

И этой сказкой потаённой —
Как в ночь зовут домой детей —
Вдруг расслабляется спасённый
Из лап разорванных сетей.

Давно отмечено веками
Звучанье зыбкой суеты.
Боль режет душу, и руками
Рвут мир бумажной пустоты.

Но вместо песен колыбельных
Всё льют стихи (на что горазд!):
Неслышность тресков корабельных
Им успокоиться не даст...

Душа луны

Из-за дождливых облаков
Луна разглядывает, как
Древесной мощью кулаков
Сад держит небо на руках.

Ему в противной стороне
Под сводом звездного венца
Слышны сужденья о весне
Чужого, странного гонца.

Листва чернеет на земле —
Как будто по небу плетень,
В холодном, спрятанном тепле —
Росой лоснящаяся тень.

...В росе, в росе душа Луны,
Её печаль еще свежа,
Роса стекает на стволы,
Скользит по лезвию ножа.

«Есть в феврале прекрасная пора...»

Есть в феврале прекрасная пора:
Последний снег и ветер, еле слышный;
И что ни день – уходит со двора
Несвежий след печальных дум под крышей.

Всё впереди! Ещё придут ветра!
Неслышность эта – как знаменье бури,
Но эта будущность – уже вчера,
И новый взгляд – в венчальный свет лазури!..

«Ещё у жизни есть глава...»

Ещё у жизни есть глава:
Седая мысль, седая голова.
Горят костры приснеженных рябин
Из глубины – глубин.
Ещё один у песни есть припев:
Метая лист и жалко проскрипев,
Летят ветра с растерзанных вершин,
Как молоко – в кувшин.
Ещё у песни много вещества:
Сожженный свет, сгоревшие слова.
Пылят закаты, небо притянув,
Меня – не обманув...

Звонок

Знаю: суббота, Ваш милый – рядом:
То ли на кухне, то ли – курить.
То ли над картой, над Эр-Риядом
Дети склонились дневник укорить.

Вы помолчите. И тихим взглядом
Будет душа углы серебрить
Дома, который покрыт обрядом
Тайным, умеющим всё говорить.

Вам на звонок отвечать не к спеху,
Скажете мужу, это была
Скромно зовущая Вас к успеху
Фирма, поющая крышке стола.

В бездну – вздохнёте, убитым звуком
(так же, как было в прошлом кино):
«Старому верю столу и – мукам.
Нет серебра у стола? – всё равно...»

«И велел господь всем садам цвести —...»

И велел господь всем садам цвести —
Не для зависти, а для радости!
И велел господь мне мой крест нести:
От тоски бежать, от усталости.

И еще велел мне мой бог прожить,
Улыбаясь весенней младости,
И велеть себе над землёй кружить:
Не для зависти, но – для радости...

«Из томной нежности к тому...»

Из томной нежности к тому,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.